

продолжения принадлежавшей безобразовцам корейской лесной концессии, рассматривая их также как опору и защиту против Японии¹².

Для «охраны» безобразовского лесного предприятия руководивший ей подполковник А.С. Мадритов завербовал целую армию численностью до 1000 человек. Столь странная «коммерческая» деятельность лесопромышленного товарищества немедленно получила широкую огласку и вызвала резкое недовольство в Японии всей политикой Петербурга на Дальнем Востоке, поддержанное Англией и США. В Токио подозревали, что таким образом готовится военная акция России в Корее. Реакция соседки являлась отчасти наигранной: ещё в 1902 г. Япония направила на Ялу несколько десятков переодетых солдат для наблюдения за русскими, так что в общем там находились в курсе происходящего¹³. Конечно, наблюдение не снимало общей тревоги Токио за действия России. Тем более, что практически одновременно Петербург отказался продолжить эвакуацию Маньчжурии, первый этап которой завершился 26 марта 1903 г., предъявив Китаю целый набор дополнительных условий¹⁴. В совокупности всё это выглядело очень подозрительно, поэтому предположение об агрессивных намерениях России на Дальнем Востоке можно было без труда подкрепить серьёзными аргументами.

Вместо решительных и энергичных действий, которые требовала неблагоприятно развивавшаяся ситуация, Николай II занимал осторожную и неоднозначную позицию. Поддерживая безобразовцев, он, тем не менее, не выполнял всех их предложений. Санкционировав в феврале 1903 г. задержку эвакуации Маньчжурии (это было требование не одного А.М. Безобразова)¹⁵, царь временно отложил посылку в устье р. Ялу «артелей» из переодетых солдат¹⁶. И далее, до мая 1903 г., самодержец продолжал колебаться.

11.2. «Период совещаний»

Резкое усилившееся влияние безобразовцев вызвало обычную в таких ситуациях реакцию их оппонентов: у них появился мощный стимул объединиться для противостояния, несмотря на сохраняющиеся противоречия.

¹² Д.Д. Покотилев – С.Ю. Вите 21 февраля (6 марта) 1903 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1519. Л.37–39; Симанский П.Н. Указ. соч. С.61.

¹³ 15 мая 1903 г. Ю. Комура получил сообщение японского консула в Ньюжунане Сегавы, что целями безобразовского предприятия является не подготовка войны, а коммерческая деятельность (заготовка леса, горные разработки) (Nish J. Op. cit. P.156–157).

¹⁴ См. подробнее главу 8 «Россия и Китай в 1900–1903 гг.: конец экономической экспансии».

¹⁵ А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 21 февраля (6 марта) 1903 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1519. Л.15.

¹⁶ Там же. Л.16–28. Обсуждение этого вопроса проходило в конце февраля – первой половине марта 1903 г.

Поэтому С.Ю. Витте, стремившийся вернуть себе господствующие позиции, получил поддержку не только В.Н. Ламздорфа, но и А.Н. Куропаткина. Сторону безобразовцев принял В.К. Плеве, но совсем не потому, что он разделял их представления о дальневосточных делах, а исключительно в интересах борьбы с С.Ю. Витте. На совещаниях 11 (24) января в МИД и 25 января (7 февраля) 1903 г. при участии четырёх министров (В.Н. Ламздорф, С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткин, П.П. Тыртов) была предпринята попытка сформулировать дальнейшую политику России на восточной окраине¹⁷.

Совещание в МИД 11 (24) января 1903 г. представляет большой интерес, так как в нём участвовала всё руководство ведомства, а также представители России на Дальнем Востоке¹⁸. На нём обсуждали отношение к договору 26 марта 1902 г. (выполнять его или затянуть вывод войск под благовидным предлогом), необходимость соглашения с Японией о Маньчжурии и будущее Кореи. Если по вопросу о выводе войск участники единодушно ответили «да» (присоединение Маньчжурии к России казалось им невысказанным, лишь Р.Р. Розен выступал за оставление небольшого количества армейских подразделений, а П.М. Лессар предлагал увеличить численность охранной стражи до 30 тыс. человек), то по остальным ключевым проблемам они не пришли к единым взглядам. Фактически на этом совещании проступили все острые и дискуссионные моменты в российской политике в регионе в то время: требование дополнительных гарантий от Китая как условие продолжения вывода войск (П.М. Лессар); недопустимость увязки корейского и маньчжурского вопросов (Н.Г. Гартвиг); желание достичь соглашения с Японией, разрешив ей расширить деятельность в Корее, но в рамках соглашений 1896 и 1898 гг., то есть, не делая Токио значительных уступок. Специального соглашения по Маньчжурии с Японией, по мнению участников, не требовалось, а вот прежние договорённости по Корее следовало бы не только сохранить, но и дополнить в смысле усиления ограничений по вмешательству в корейские дела. Совещания оставляют впечатление, что ещё ничего не было предпринято и точка зрения С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфа также пока не доминировала.

На Особом совещании 25 января (7 февраля) 1903 г. участники вернулись к вопросу о соглашении с Токио и в этот раз все признали его желательным. Однако сформулированная ими позиция отличалась внутренней противоречивостью: желая «возможно дружественных» отношений с Японией, Рос-

¹⁷ Симанский П.Н. Указ соч. С.43–48; Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. Под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916. С.246–247, 269–275; Романов Б.А. Указ. соч. С.216–219. Министры намеревались тянуть время до завершения сооружения КВЖД, пока же они предполагали надавить на Китай, чтобы заставить Пекин закрыть Маньчжурию для иностранцев.

¹⁸ Журнал совещания 11 января 1903 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.718. Л.4–10.

сия, тем не менее, не намеревалась уступать ей Корею «ввиду весьма серьёзного значения, которое в будущем Корея должна неминуемо иметь для русских государственных интересов»¹⁹. Но что это было за значение – на совещании так и не прозвучало. Представляется, что за ним скрывалась одна из главных проблем во всей русской дальневосточной политике: и до, и после 1898 г. российское руководство никак не могло прийти к единому мнению, чего же оно хочет на Корейском полуострове, отделяваясь многозначительными, но малосодержательными фразами. Но именно эта неопределённость и исключала возможность союза с Японией. Другим важным вопросом на совещании были условия эвакуации русских войск из Маньчжурии, которые следовало предъявить Китаю. Они формально не увязывались с Кореей, прямого отношения к русско-японским переговорам не имели, но по остроте встали рядом с корейской проблематикой.

К началу марта 1903 г. усилия триумвирата С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорф – А.Н. Куропаткин достигли определённого результата: Николай II принял решение отозвать А.М. Безобразова с Дальнего Востока, где он находился с конца декабря 1902 г., за его склонность к тайной деятельности. Апогеем их успеха явилось Особое совещание 26 марта (8 апреля) 1903 г., обсуждавшее судьбы лесопромышленного товарищества на Ялу. Безобразовцы намеревались создать на его основе частное общество по образцу Chartered Company (т.е., с политическими целями) при государственной поддержке²⁰. Таким образом, их действия становились бы частью имперской политики на Востоке. Несмотря на открытое одобрение «лесопромышленников» Николаем II, большинство участников отказало безобразовцам в официальной поддержке, а их предприятие допускалось лишь как частное и чисто коммерческое. Кроме того, совещание подчёркнуло необходимость действовать строго в рамках соглашений России со странами Востока²¹.

Потерпев неудачу, сразу после совещания безобразовцы бросились в ответную атаку. Николай II некоторое время продолжал колебаться, но после обстоятельных разговоров с военным агентом России в Китае К.И. Вогаком и самим А.М. Безобразовым изменил свою позицию и однозначно встал на их сторону. Важную роль сыграла записка К.И. Вогака «Значение договора 26 марта 1902 г. в развитии вопроса о Маньчжурии», в которой бывший во-

¹⁹ Журнал Особого совещания 25 января 1903 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.111.

²⁰ Проект доклада А.М. Абазы Особому совещанию, представленный В.К. Плеве // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.102–105а. Подробнее об этом см. главу 9 «Безобразовцы: царская «неофициальная» политика на Дальнем Востоке в 1898–1904 гг.».

²¹ Журнал Особого совещания 26 марта (8 апреля) 1903 г., составленный С.Ю. Витте // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.99–103; Симанский П.Н. Указ. соч. С.79–85; Пролог... С.277–282.

енный агент в Китае рассматривал вывод войск исключительно как уступку со стороны России, угрожающую её безопасности на Дальнем Востоке как в военных аспектах, так и из-за предполагаемого наплыва иностранцев в Северный Китай²². 6 мая 1903 г. А.М. Безобразов был назначен статс-секретарём, а К.И. Вогак стал генералом царской свиты. Оба эти назначения носили беспрецедентный характер и придавали главным деятелям «нового курса» официальный статус.

Реванш безобразовцев состоялся на Особом совещании 7 (20) мая 1903 г.²³ Однако их победа не была полной, они добились только разрешения расширить деятельность своего предприятия на р.Ялу и обещания финансовой поддержки от казны²⁴. Но в тех условиях даже такой шаг вызывал сильнейшее волнение в Японии. С этим обстоятельством авторы «новой политики» не считались. Несмотря на то, что С.Ю. Витте сознательно заострял проблему, убеждая И.И. Воронцову-Дашкову, что по его и В.Н. Ламздорфа мнению, Япония «нас не тронет, доколе мы не пожелаем делать свои захваты», он поддержки не получил²⁵.

Другим итогом совещания 7 мая стало ослабление антибезобразовского триумvirата. Его участники погрузились в сепаратные интриги, заботясь, прежде всего, о сохранении собственных портфелей. А.Н. Куропаткин решил сыграть на противоречиях А.М. Безобразова и С.Ю. Витте, сталкивая их лбами. Но делал он это крайне неубедительно, не добившись в итоге расположения со стороны А.М. Безобразова²⁶. Сам С.Ю. Витте надеялся договориться с А.М. Безобразовым путём уступок. Продолжая говорить об опасности безобразовского предприятия, министр финансов одновременно утверждал: «в душе не могу не согласиться, что он (А.М. Безобразов – И.Л.) прав» и обещал добыть желаемую им коцессию на китайском берегу р. Ялу спустя некоторое время, когда возбуждение спадёт. Николай II как будто поддерживал предлагаемые министром финансов меры, но сторонам было невозможно достичь соглашения: С.Ю. Витте не желал терять своего влияния на дальневосточные дела, тогда как его оппоненты претендовали на полное господство там. На интриги не пошёл лишь В.Н. Ламздорф, поставив 28 мая 1903 г. вопрос о своей отставке в знак протеста против вторжения посторонних в сферу компетенции Министерства

²² Вогак К.И. Значение договора 26 марта 1902 г. в развитии вопроса о Маньчжурии // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.183. Л.67–72.

²³ Отчёт об Особом совещании 7 (20) мая 1903 г. и его журнал, составленные А.М. Безобразовым // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.150–158.

²⁴ Подробнее об Особом совещании 7 мая 1903 г. см.: Пролог... С.283–287; Симанский П.Н. Указ. соч. С.90–92.

²⁵ С.Ю. Витте – И.И. Воронцову-Дашкову 9 [мая] 1903 г. // РГИА. Ф.919. Оп.2. Д.1523. Л.6.

²⁶ А.М. Безобразов писал А.М. Абазе, что чисто внешне у него с военным министром дружеские отношения, «но по существу, понятно, отношение собаки к палке» (А.М. Безобразов – А.М. Абазе 1 (14) июля 1903 г. // РГИА. Ф.892. Оп.3. Д.126. Л.121).

иностранных дел (планировалась передача ряда дипломатических функций Е.И. Алексееву)²⁷. Однако Николай II не принял отставки, а сервильный министр смирился со своим новым положением и выразил готовность действовать в интересах безобразовцев и исполнять то, что ему будет указано²⁸. В итоге он сохранил за собой пост, но в деятельности министерства произошли разительные перемены. Российские дипломаты на Дальнем Востоке были обязаны обращаться с донесениями и за получением указаний к Е.И. Алексееву. Новый порядок подчинения сразу же обернулся хаосом. Кроме того, для российских посланников в Сеуле, Пекине и Токио не было секретом, что представления о необходимых действиях Е.И. Алексеева и В.Н. Ламздорфа сильно расходятся. Благодаря перераспределению рычагов власти на Дальнем Востоке во второй половине 1903 г. вокруг Е.И. Алексеева сложился центр управления внешней политикой России в регионе, чьё направление отличалось от курса МИДа.

Будущий наместник являлся одной из немногих влиятельных персон, кто реально сблизился с безобразовцами²⁹. Произошло это в конце марта 1903 г., после его неудачного противодействия им по вопросу о деятельности лесопромышленного товарищества. Далее между ними конфликты уже не возникали. У Е.И. Алексеева с безобразовцами имелась общая установка: ничего не уступать японцам на Дальнем Востоке, тем не менее, полностью отождествлять их позиции, как это сделал С.Ю. Витте («вполне заодно»), нет оснований³⁰. Е.И. Алексеева не очень беспокоила судьба Кореи. Он лишь полагал опасным допускать там свободу действий, так как она «вселит в японцах мысль о нашей слабости»³¹. Признавая «важность» безобразовского предприятия, Е.И. Алексеев тем не менее, никогда не ставил его в центр всей дальневосточной политики России. На первом месте у него находилась Маньчжурия³².

²⁷ Источник. 1999. №2. С.38–39. 16 мая Николай II распорядился, чтобы отныне все телеграммы по Дальнему Востоку посылались через Е.И. Алексеева (Записка В.Н. Ламздорфа 16 (29) мая 1903 г. с резолюцией Николая II // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.179. Л.35–36).

²⁸ Два письма А.М. Безобразова Николаю II 29 мая (11 июня) 1903 г. // Русско-японская война: из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. Л., 1925. С.141–142.

²⁹ С.Ю. Витте утверждал, что А.М. Безобразов «можно сказать, назначил наместником Дальнего Востока Алексеева», оно состоялось «по его инициативе и по его представлению» (Из архива С.Ю. Витте. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1. СПб., 2003. С.519). Известие о своем назначении во главе объединенного управления Дальним Востоком «по всем ведомствам» Е.И. Алексеев получил от Николая II 2 (15) мая 1903 г. (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.132). Подробнее см. главу 10 «Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.)».

³⁰ Пролог... С.257–258.

³¹ Е.И. Алексеев – в МИД 6 (19) июля 1903 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.188. Л.89.

³² Е.И. Алексеев – Николаю II 21 мая (3 июня) 1903 г. // АВПРИ. Ф.138. Оп.467. Д.205. Л.40–42.

Важную роль в разработке российской политики на Дальнем Востоке играл барон Р.Р. Розен, вновь назначенный посланником в Токио в апреле 1903 г. Сторонник жёсткой позиции по отношению к Японии, он полагал, что Страна восходящего солнца не осмелится начать войну³³. Р.Р. Розен даже вывел формулу: риск наступления кризиса обратно пропорционален твёрдости России³⁴. По его мнению, Петербургу следовало демонстрировать пассивность в Корее и никак не связывать действия в королевстве и в Северном Китае³⁵. Барон утверждал: «Соглашение с Японией может состояться лишь совершенно в стороне от маньчжурского вопроса, на почве взаимных уступок в виде разграничения обоюдных сфер интересов в Корее, а отнюдь не на почве раздела Кореи с отдачей южной её части Японии в виде компенсации за Маньчжурию»³⁶. Посланник был в принципе против соглашения с Токио, так как полагал, что его заключение ничего не даст России. Он считал, что почва для него ещё не готова, что в интересах Петербурга только «по решению маньчжурского вопроса предоставить Японии некоторую компенсацию на корейской почве»³⁷. То есть, сначала Токио следовало продемонстрировать «правильную» позицию относительно Маньчжурии. Кроме того, Р.Р. Розен явно стремился к тому, чтобы Корею Япония могла получить только из русских рук, да ещё и в виде иллюзорного господства в королевстве.

Всё это не вызывало возражений у Николая II. Однако соображения Р.Р. Розена, как бы привлекательно они не выглядели, не учитывали ряд проблем. Он, по-видимому, даже не допускал мысль, что японское руководство могло бы не удовлетвориться половиной Кореи. Препятствием замыслу дипломата также являлся англо-японский союз, заключённый в январе 1902 г. Р.Р. Розен наивно полагал, что его предложение перевесит для Токио интересы альянса с Лондоном, сильно переоценивая привлекательность своей комбинации для Японии. В общем, рассуждения российского посланника выглядели интересно и даже красиво, но только на бумаге.

Придя к власти, безобразовцы более внятно определили своё отношение к Корее. Вопреки домыслам, летом 1903 г., ещё до начала переговоров с Японией, они, в сущности, выступали за размен Кореи на Маньчжурию («подарив Корею

³³ Дипломат был удивлён твёрдости Японии, он объяснял её воодушевлением после заключения союза с Англией в январе 1902 г. (Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 24 августа (6 сентября) 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.485. Л.143–145).

³⁴ Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 25 июня (8 июля) 1903 г. // Там же. Л.132.

³⁵ Однако Р.Р. Розен признавал полезным поддерживать видимость такой увязки для японцев (Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 20 июня (3 июля) 1903 г. // Там же. Л.130–131).

³⁶ Р.Р. Розен – в МИД 20 июня (3 июля) 1903 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.188. Л.65 об. – 66.

³⁷ Р.Р. Розен – в МИД 2 июля 1903 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.101. Л.106–108.

японцам, объявить в дальнейшем будущем, что мы остаёмся в Маньчжурии»), при этом от Японии требовалось обязательство не возводить на полуострове военных укреплений. За Россией оставалась бы только северная часть полуострова (водораздел рек Ялу–Тюмень)³⁸. Позднее А.М. Безобразов писал про предприятие на р. Ялу, что «оно было средством для отвлечения от Маньчжурии внимания наших врагов» (скорее, наоборот, оно привлекло внимание к русской политике там), а также нацеливалось на то, чтобы помешать японцам утвердиться на северной границе Кореи, что составило бы угрозу Маньчжурии³⁹. Тем не менее, безобразовцы продолжали активно развивать деятельность своего товарищества на р. Ялу. Так же, как и С.Ю. Витте в конце 1902 г., А.М. Безобразов в августе 1903 г. выступал с позиции охраны российских границ, ни о какой экспансии за пределами Маньчжурии речь не шла (на самом деле, предприятие представляло для его участников несомненную самооценку). И так же, как С.Ю. Витте, он избрал для этого экономические, а не силовые средства, уповая прежде всего на КВЖД и Русско-Китайский банк⁴⁰.

Тем не менее, эта точка зрения, ставшая господствующей в позиции России, не учитывала важнейшие обстоятельства. Помимо мнения Токио, о котором уже говорилось, нельзя было делать вид, что Маньчжурия – предмет лишь русско-китайских отношений. О своих интересах в Северном Китае заявляли и другие державы, прежде всего, США и Англия.

Договориться с США было проще, чем с Англией: американцев интересовала прежде всего свобода коммерческой деятельности в Китае. Ради своей доктрины «открытых дверей» заокеанское руководство закрывало глаза на ряд частностей. Государственный секретарь Дж. Хэй с пониманием относился к политике России в Маньчжурии и признавал её первенствующие интересы в Северном Китае. Проблема состояла прежде всего в том, что на уступки американцам категорически не хотели идти некоторые деятели, прежде всего, Е.И. Алексеев, настаивавший на закрытости Маньчжурии для иностранцев⁴¹. А.П. Кассини предупреждал Петербург, что противодействие интересам

³⁸ А.М. Абаза – Николаю II 14 (27) июня 1903 г. и приложенные к письму «Основы наших будущих отношений к Японии» // Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. С.144–146.

³⁹ А.М. Безобразов – И.П. Балашёву 22 октября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.82–82 об.

⁴⁰ А.М. Безобразов – Николаю II 8 (21) августа 1903 г. // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.183. Л.90–91.

⁴¹ Несмотря на то, что Е.И. Алексеев с трудом, но признавал неизбежность открытия для иностранцев портов в Маньчжурии, он полагал, что это следует сделать лишь по завершении переговоров России с Китаем, то есть, откладывал это на неопределённое время (телеграммы Е.И. Алексеева 6 (19) и 9 (23) июня 1903 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.3171. Л.27–28). В противном случае он угрожал, что Маньчжурия «обратиться во враждебный нам лагерь», и туда придётся возвращать русские войска (Е.И. Алексеев – Николаю II 7 июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.172. Л.21 об.).

США толкает Вашингтон к союзу с Лондоном и Токио «в надежде, что этим путём им удастся осуществить свои вожеления». Лишь обещания российских дипломатов содействовать американской торговле в Маньчжурии удерживало Белый дом, по мнению дипломата, от такого шага. Посол полагал, что для удовлетворения американцев следует немедленно открыть для иностранцев один или два порта в Маньчжурии⁴². Пока это устроило бы американцев, но они хотели в будущем получить доступ для торговли в Мукдене и даже, если получится, Харбине. Вместо этого Петербург фактически принял позицию наместника. Узнав о том, что мнение Е.И. Алексеева доминирует, Дж. Хэй сильно встревожился. За пять лет А.П. Кассини не видел его ни разу настолько возбуждённым, упрекающим Россию в неискренности. Дипломату с трудом удалось успокоить государственного секретаря, заявив, что Россия готова открыть маньчжурские города для иностранной торговли, за исключением Харбина⁴³. Аналогичное заверение было сделано 1 (14) июля 1903 г. Р.Р. Розеном в Токио.

В целом, к середине 1903 г. в российском руководстве выявилось несколько точек зрения на политику империи на Дальнем Востоке. С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорф выступали за уступку Кореи и вывод русских войск из Маньчжурии. Однако их позиция не являлась доминирующей. Всё больший вес получало мнение безобразовцев и Е.И. Алексеева: Японии можно отдать половину Кореи, Маньчжурию эвакуировать не следует, наоборот, необходимо закрепить её за собой⁴⁴. Промежуточную позицию занимал А.Н. Куропаткин: поддерживая необходимость пассивной политики и уступок, он, тем не менее, полагал возможным ограничиться захватом Северной Маньчжурии.

Разногласия во мнениях и неясное место безобразовского предприятия в русской политике стали предметом совещания в Порт-Артуре, проходившего 18–28 июня (1–10 июля) 1903 г. с участием в основном российских чиновников, служивших на Дальнем Востоке. Из министров на нём присутствовал лишь вернувшийся после поездки в Японию А.Н. Куропаткин. Несмотря на бурные и продолжительные обсуждения, А.М. Безобразову не удалось до-

⁴² А.П. Кассини – в МИД 4 (17) июня 1903 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.3171. Л.16–19; В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 6 июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.133. Л.27.

⁴³ А.П. Кассини – в МИД 18 июня (1 июля) 1903 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.3171. Л.43–47; Ганзен (замещал А.П. Кассини на время отпуска) – в МИД 1 (14) июля 1903 г. // Там же. Л.62–63.

⁴⁴ Относительно Кореи у безобразовцев и Е.И. Алексеева можно встретить разные суждения, в том числе и противоречащие друг другу. В общем их позицию можно интерпретировать так: они были готовы уступить без существенных оговорок южную часть королевства, на севере же – только экономическую деятельность, без военного присутствия. Бассейн р. Ялу они считали «своим» благодаря концессии Бринера.

биться принятия желаемых им решений: участники признали за лесным предприятием лишь коммерческий характер. Единство наступило лишь при разработке пунктов дополнительных условий к Китаю. Все 10 требований Пекину вращались вокруг того, чтобы не допустить сколько-нибудь заметного влияния иностранцев в Маньчжурии и закрепить там за русскими ряд преимуществ, прежде всего, в добыче полезных ископаемых⁴⁵.

Решения, принятые в Порт-Артуре, не совсем удовлетворили Николая II и он созвал 1 (14) августа ещё одно совещание – на сей раз в Петербурге – из трёх министров, военного, финансов и иностранных дел, для ответа на три вопроса: следует ли присоединить Маньчжурию к России, выполнять ли договор 26 марта 1902 г. о выводе войск и связывать ли маньчжурский и корейский вопросы. А.Н. Куропаткин, неоднократно выдвигавший идею аннексии Северной Маньчжурии, на сей раз поддержал решение – не захватывать китайской территории. Однако сановники также признали, что и выполнение договора 26 марта 1902 г. невозможно. Несмотря на то, что судьба безобразовского предприятия специально не обсуждалась, его деятельность была расценена резко отрицательно: оно выглядело не столько оборонительным заслоном, сколько поводом к войне⁴⁶. Осудив его, министры фактически вернулись к результатам совещания 26 марта⁴⁷. Требования же к Китаю, принятые в Порт-Артуре, были сокращены наполовину.

Казалось, что в Петербурге произошёл переворот: реальная власть на Дальнем Востоке вернулась к министрам. Но В.Н. Ламздорф поторопился, сообщив решения совещания 1 (14) августа Е.И. Алексееву как уже одобренные Николаем II (то есть, Е.И. Алексееву следовало лишь принять их к сведению, а на его усмотрение отдавался один вопрос – о размещении выводимых из Маньчжурии войск в полосе отчуждения КВЖД)⁴⁸. Однако в последующие дни всё изменилось. Уже 18 (31) августа В.Н. Ламздорф уточнил, что итоги совещания посланы наместнику «на заключение»⁴⁹. Е.И. Алексеев, явно лучше ориентировавшийся в ситуации, ответил не ми-

⁴⁵ Симанский П.Н. Указ. соч. С.116–123, 129–130.

⁴⁶ Журнал Особого совещания 1 (14) августа 1903 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.915. Л.7–18; Симанский П.Н. Указ. соч. С.137–140.

⁴⁷ С.Ю. Витте, несмотря на оптимистический настрой по результатам совещания, полагал, что предприятие на р. Ялу для них неприкосновенно (С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 4 (17) августа 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.260–260 об.).

⁴⁸ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 12 (25) августа 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.133. Л.44. По версии А.Н. Куропаткина, Николай II утвердил решение совещания по Маньчжурии, ожидая от наместника замечаний относительно Кореи – так ему объяснил В.Н. Ламздорф (Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.63–64. Запись 12 августа 1903 г.).

⁴⁹ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 18 (31) августа 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.133. Л.45.

нистру, а императору. Он не согласился с большей частью выводов, сделанных 1 августа, заявив о том, что надо восстановить ряд требований к Китаю, шире поставить защиту русских интересов в Маньчжурии. В завершение он не без ехидства подчеркнул, что признаёт безобразовское предприятие на р. Ялу «делом, вполне заслуживающим того высокого покровительства, благодаря которому оно получило нынешнее развитие». Даже ослабление его деятельности нанесёт ущерб русскому делу в Маньчжурии⁵⁰. Получалось, что министры идут наперекор царской воле да ещё и с заведомо проигрышным итогом – так их позицию изобразил наместник.

Одновременно в Петербурге А.М. Безобразов прилагал усилия, чтобы дезавуировать решения совещания 1 августа и жаловался на В.Н. Ламздорфа, что тот избегает снабжать Е.И. Алексеева «руководящими данными от государя». Но обещание А.М. Безобразова «одним ударом» покончить с оппозицией его курсу было реализовано лишь частично: В.Н. Ламздорф всё-таки сохранил за собой министерское кресло⁵¹.

Николай II, по-видимому, некоторое время колебался. Об этом свидетельствует его монолог А.Н. Куропаткину 19 августа (1 сентября), «что много думал. Что и ему приходит в голову мысль, что он мог и неправильно решить вопрос о наместничестве. Но что же делать? Теперь так или иначе, вопрос этот решён и с этим надо всем считаться»⁵². Кроме того, подоплёку мнения трёх министров «разъяснил» самодержцу А.М. Безобразов: это ведомственная оппозиция Е.И. Алексееву, а по сути – организованное министром финансов противодействие намерению Николая II создать наместничество. Это же он сообщил Е.И. Алексееву, добавив, что заключение совещания «в глазах государя значения не имеет»⁵³. Действительно, самодержец после обмена мнениями с Е.И. Алексеевым утвердил журнал совещания 1 (14) августа только в отношении Маньчжурии, но не приказал его исполнить⁵⁴. Тем не менее, Николай II согласился с А.Н. Куропаткиным: деятельность А.М. Безобразова, который был прав два года назад, критикуя курс С.Ю. Витте, уже не приносила пользы и его следовало удалить («знаю, надо выбросить его»)⁵⁵. А.М. Безобразов, конечно, не получил отставки, но его влияние на дальневосточные дела осенью 1903 г. несомненно уменьшилось

⁵⁰ Е.И. Алексеев – Николаю II 23 августа (5 сентября) 1903 г. // Там же. Д.123. Л.46–47.

⁵¹ А.М. Безобразов – Е.И. Алексееву 26 августа (8 сентября) 1903 г. // Там же. Л.48–49.

⁵² Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.69. Запись 19 августа 1903 г.

⁵³ А.М. Безобразов – Е.И. Алексееву 26 августа (8 сентября) 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.48–49.

⁵⁴ РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.718. Л.27.

⁵⁵ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.69. Запись 19 августа 1903 г.

по сравнению с первой половиной 1903 г.⁵⁶ Впрочем, затем он сконцентрировал внимание на «экономических» вопросах, составляя проекты реорганизации управления дальневосточными предприятиями России, меньше вмешиваясь во внешнеполитические вопросы.

Очевидно, что попытка В.Н. Ламздорфа подчинить наместника умеренным директивам из Петербурга не удалась⁵⁷. 2 сентября А.М. Безобразов сообщил Е.И. Алексееву о распоряжении Николая II, чтобы посланник России в Пекине придерживался исключительно указаний наместника и ехал к нему с докладом по первому требованию⁵⁸. Аналогичные предписания получили российские дипломаты в Токио и Сеуле («беспрекословно выполнять все предначертания наместника»). Влияние графа на дальневосточные дела стало до такой степени ничтожным, что Министерству иностранных дел в это время сообщались лишь копии некоторых (!) телеграмм, касающихся уже начавшихся русско-японских переговоров. Можно сказать, что внешнеполитическое ведомство было вообще на некоторое время отстранено от политики на Дальнем Востоке⁵⁹. Один из дипломатов констатировал

⁵⁶ Падение влияния А.М. Безобразова было, по-видимому, также связано с его неуместным вмешательством в военные дела и резкой полемикой с А.Н. Куропаткиным. А.М. Безобразов советовал военному министру перебросить деньги, к примеру, со строительства принаровских дорог на Дальний Восток, отменил (!) военные манёвры в Варшавском округе и отправил на средства, выделенные на их проведение, две бригады к Тихому океану. Николай II никак не реагировал на происходящее. Логичным выходом из ситуации стала бы отставка самого А.Н. Куропаткина и она, как будто, была в те дни – начала августа 1903 г. – в принципе решена (Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.56–59. Встреча самодержца с ним состоялась 2 (15) августа). Военный министр сам поднял вопрос о ней, царь «склонен был дать согласие», пока же А.Н. Куропаткин выпросил себе четырёхмесячный отпуск (Куропаткин А.Н. Пролог маньчжурской трагедии // Русско-японская война 1904–1905 гг. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. С.34). Однако военный министр удержался: царь, по-видимому, всё-таки не доверился «военным талантам» своего статс-секретаря. А.М. Безобразов остался неудовлетворён и в начале сентября опять намеревался поставить вопрос ребром: он либо военный министр, который постоянно «старается укусить» его (А.М. Безобразов – В.К. Плеве 4 (17) сентября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.760. Л.75–76). Но момент был уже упущен. Не удалось и удовлетворить желание Е.И. Алексеева стать главнокомандующим русскими войсками на Дальнем Востоке, несмотря на то, что царь ответил А.М. Безобразову, что наместник – «ответственный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами края», на практике он так и не получил такой власти (Е.И. Алексеев – А.М. Безобразову 6 сентября 1903 г. и ответная телеграмма 10 сентября 1903 г. // Там же. Д.761. Л.87 об. – 88 об.).

⁵⁷ Телеграмма В.Н. Ламздорфа Е.И. Алексееву 16 (29) июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.484. Л.2.

⁵⁸ РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.87.

⁵⁹ Поразительно, что впоследствии Е.И. Алексеев обвинял министерство в том, что оно, обидевшись на его вторжение в международные дела, не сообщало ему действи-

в октябре 1903 г.: «Работы у нас немного, так что даже при нашем очень ограниченном составе мы легко справляемся. Министерство продолжает черпать сведения о происходящих на Д[альнем] Востоке событиях из телеграмм агенств и, по-видимому, эта оскорбительная, на мой взгляд, не лишённая трагикомизма новая эра в его существовании грозит продлиться. <...> Во всяком случае, приходится признать, что м[инистерств]во окончательно потеряло голос в этом деле»⁶⁰.

Поражение «триумвирата» в августе 1903 г. стало для него последним. Главным виновником сопротивления «новой политике» был признан С.Ю. Витте, это и послужило причиной его внезапной отставки, о которой министр узнал на всеподданнейшем докладе 15 августа. Пошатнулись кресла и под двумя другими участниками совещания: А.Н. Куропаткиным и В.Н. Ламздорфом. Казалось, что их уход – дело также решённое. Однако царь, верный принципу не принимать всецело чью-либо сторону, выжидал. К тому же одновременное удаление трёх ключевых министров напоминало правительственный кризис и могло вызвать нежелательные последствия. Тем не менее, их влияние заметно ослабло, а большинство рычагов управления ситуацией оказалось в руках безобразовцев и Е.И. Алексеева. Отставка С.Ю. Витте сопровождалась реорганизацией ведомства: безобразовцы планировали забрать из Министерства финансов управление железными дорогами, пограничной стражей, учебными заведениями, а главное – основными инструментами политики в Китае – КВЖД и Русско-Китайским банком, а также важнейшими концессиями Маньчжурского горнопромышленного товарищества, прежде всего, фушуньскими угольными копиями – то есть, всё то, что относилось к Дальнему Востоку и получило название «империи Витте»⁶¹. В таких условиях – смены руководителей дальневосточной политики России – стартовали русско-японские переговоры.

тельной картины, поэтому он якобы ничего не знал о политических настроениях иностранных кабинетов, особенно лондонского и Вашингтонского (Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С.52, прим.).

⁶⁰ К.Д. Набоков – П.Л. Вакселю 3 (16) октября 1903 г. // ОР РНБ. Ф. 123. Оп.1. №318. Л.14 об.

⁶¹ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.65. Запись 18 августа 1903 г. Об этом также: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.446. А.М. Безобразов предполагал оставить Министерству финансов лишь охрану интересов казны, но никак не руководство политикой (записка А.М. Безобразова 11(24) ноября 1903 г. // РГИА. Ф.892. Оп.3. Д.126. Л.156–164). Реорганизовывать чего-либо ещё он не собирался, поэтому прямо заявил директору канцелярии министра финансов А.И. Путилову о своем желании, «чтобы люди, которые занимались у Вас делами Д[альнего] Востока, переменили только свои клочки и комнаты, но оставались при тех же делах» (А.И. Путилов – С.Ю. Витте 20 сентября (2 октября) 1903 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.693. Л.2 об.).